

Сергей ЖЕНОВАЧ:

«ТЕАТР НИКОГДА НЕ БЫЛ МАССОВЫМ ИСКУССТВОМ»

ЕГО имя сразу стало серьезным. О нем заговорили вдруг — и все сразу. Странный режиссер, спокойно и вдумчиво работающий, не гонящийся за известностью и славой, не переживающий, когда из зала уходят зрители. Очень странный режиссер, который находит исключительное удовольствие в работе с пространством, светом и актерской пластикой.

Ему 34 года, два его спектакля идут в театре-студии «Человек» — «Панночка» Нины Садур и «Иллюзия» Пьера Корнеля. Преподает в ГИТИСе на курсе Петра Фоменко. Со студентами поставил «Владимира III степени» Гоголя.

— Сегодня самое трудное и, наверное, самое важное — заниматься не отдельными спектаклями, а театром как таковым, театром как сущностью. Это ведь не массовое искусство, не времяпрепровождение или увеселение. Драматический театр — занятие серьезное, он не приносит ни денег, ни славы, гораздо престижнее и выгоднее работать в кино. У человека должна быть потребность соответствовать театру. Это как классическая музыка, которую невозможно слушать без внутренней подготовки. Есть, конечно, легкие жанры, но театр не может всем нравиться.

Я мог бы поставить и эротический спектакль, но он все равно не будет коммерческим. И детектив... Но это будет мой детектив. Каждый человек — это определенный стиль, у каждого — своя эстетика, и она не «массовая».

— Вы занимаетесь «лабораторным» исследованием возможностей театра?

— Нет, скорее «поисковым» театром. Театр создан для зрителей. Только зритель должен быть свой — но это уже другое дело. Даже рабо-

та над спектаклем делится на два этапа — на репетициях и уже после премьеры: настоящий театр возникает во время показа. Зритель корректирует актера, расставляет или меняет акценты...

— Поэтому работаете на малой сцене?

— Нет, малая сцена — от малых средств. Хотя я не понимаю, как можно играть на сцене театра Советской Ар-

ничего не получается. А спектакль мы сочиняем вместе. Я «иду» за артистом — он сам ищет тот рисунок, по которому ему нравится играть. Это главное — чтобы нравилось. Потом найденное закрепляется, и менять уже ничего нельзя. Но этот рисунок — лишь программа для полета, а полет совершенно непредсказуем и каждый раз — новый.

Мы начинаем работу каж-

мии — там не может быть ничего психологического, камерного... Та сцена — для циркового, зрелищного театра. Но в октябре мы с актерами «Человека» думаем выпустить «Короля Лира» — и для него придется искать большую площадку.

Сейчас режиссеры стремятся любой ценой наполнить зал. Но ведь так нельзя... Конечно, приятно, когда на тебя ходят. Но если не ходят — трагедии нет. Ведь всегда остается главное в театре — живой артист на площадке.

— Интересно, как вы работаете? Вы приходите на репетицию с заранее нарисованными мизансценами или ищете прямо на площадке? И какие отношения с актерами?

— Со мной, наверное, очень трудно работать, потому что я могу делать спектакль только с теми людьми, которые мне нравятся. Иначе

дый раз с нуля, с чистого листа. Нельзя использовать уже когда-то наработанное, всегда интереснее — и страшнее — идти по неизвестному и делать то, что еще ни разу не делал. Выведет эта дорога или нет — судить зрителям. Но если бы я еще до начала работы знал, какой будет спектакль, я бы, наверное, не ставил его.

— Вы — фаталист?

— Я верю в судьбу. Над людьми и в людях существует какая-то сила, которая ведет нас, и потому не верю в сломанные судьбы. Когда сочинишь сцену, то ведешь ее, пока не почувствуешь присутствие чего-то неизмеримо большего, чем ты сам можешь привнести. И когда касаешься этого космоса, понимаешь, что теперь — найдено.

Мария БОГАТЫРЕВА.